

В ДЕТСТВЕ балет всегда волшебство, всегда сказка. Может быть, потому, что живут в нем гордые, верные принцы и превращаются в красавиц белоснежные лебеди. Может быть, потому, что Добро здесь всегда торжествует над Злом.

Юные зрители, заполнившие воскресным утром огромный зал театра, пока не знают о том, как трудна и терниста дорога в эту сказку. Дорога из ежедневных, порой изнурительных уроков и репетиций — когда капли пота выступают на висках и свинцом наливаются ноги, когда через «не могу» снова и снова нужно повторять фрагменты той или иной вариации.

Истину эту дети узнают, когда подрастут. А пока, пусть, они верят, что стоит надеть на минутку волшебные балетные туфельки, и ты окажешься в сказке.

ВОЛШЕБНЫЕ ТУФЕЛЬКИ КИТРИ

Так невольно думалось, когда ожидал я в уютном артистическом фойе нашу сегодняшнюю собеседницу — одну из ведущих танцовщиц театра, лауреата Международного конкурса молодых артистов балета в Варне Татьяну Капустину.

И первый вопрос, заданный мною, был созвучен этим раздумьям.

— В детстве вы тоже мечтали о волшебных туфельках балерины?

— Волшебные туфельки... — Таня лукаво улыбнулась, — красиво сказано. Только у нас они скорее железные. — И продолжала уже серьезно:

— Возможно, мой ответ покажется прозаическим, но я никогда не мечтала стать балериной. Более того, я никогда не занималась в детских танцевальных кружках. За меня все решили родители — когда мне исполнилось десять лет, я держала экзамен в Московское хореографическое училище и была принята.

— Годы учебы в прославленном училище помнятся и сегодня?

— Я буду помнить их всю жизнь. Это было чудесное время. С каждым днем, с каждым уроком я открывала для себя новый, удивительный мир, мир танца. Конечно, было трудно, но рядом были товарищи, были отличные педагоги, заслуженные артистки республики Е. Н. Жемчужина и Л. К. Черкасова. Сами прекрасные балерины, они щедро отдавали нам то, чем владели сами.

— Седьмой сезон вы танцуете на сцене Новосибирской оперы. Чувствуете ли вы удовлетворение сделанным за эти годы?

— Пожалуй, да. Прежде всего я довольна тем, что после распределения оказалась в столь интересной балетной труппе, как новосибирская. Меня встретили здесь приветливо и доброжелательно. Но самое главное — в том доверии, с которым ко мне, молодой солистке, отнеслись. Доверие это обязывало, но и придавало уверенность. И уже в первый сезон удалось станцевать ответственные партии Мирты в «Жизели», Заремы в «Бахчисарайском фонтане». Первой

же заглавной партией для меня стала Лауренсия.

— Гордая Лауренсия, трепетная Анна, обольстительная Клеопатра... Все ваши героини, такие разные, одинаково дороги вам?

— Конечно. Дороги трудом, который вложен в их создание, интересны своей разностью, несхожестью и вместе с тем цельностью, сложностью, характерной для женщин незаурядных. Как мне удалось воплотить это в танце — судить зрителям. Я же продолжаю работать над ними и знаю, что работа эта нескончаема, так как нет в искусстве предела совершенствованию.

— Известно, что любая встреча артиста со зрителями — всегда экзамен. Но, очевидно, случаются экзамены высшей категории трудности?

— Да, это так. Один из них я держала в прошлом году, участвуя в Варненском конкурсе молодых артистов балета. Три тура, двадцать дней длился конкурс. И было неимоверно трудно в течение столь долгого времени поддерживать особую «конкурсную» форму. Трудности удваивались тем, что выступала я одна, без партнера, что очень сложно. Но все эти трудности отступили, когда председатель жюри Юрий Николаевич Григорович назвал меня в числе лауреатов и вручил бронзовую медаль.

Я была очень рада, что по мере своих сил оправдала оказанное мне доверие, что Варна и для меня оказалась счастливой. Такой же счастливой, как для Никиты Долгушина,

для Любы Гершуновой и Толи Бердышева, столь достойно представивших новосибирский балет на предыдущих варненских конкурсах.

— Год 1975-й начался для вас с серьезного испытания?

— И еще какого... Все произошло неожиданно. Представьте себе, первое января, праздник, да еще двойной, так как получили мы с мужем новую квартиру. И вдруг сообщение — приглашают в Москву, танцевать «Анну Каренину» на сцене Большого театра. Разволновалась я ужасно. Выступать в Большом, в партию, которую с таким блеском танцует сама Майя Плисецкая...

Но все кончилось хорошо. И Толя Бердышев, и Саша Хмелев, и я, по отзывам коллег, справились со своей задачей. И очень помогла этому теплая дружеская атмосфера, которую создали для нас — гостей из Сибири — артисты балета прославленного театра.

— Несколько слов о ваших творческих планах в столь удачно начавшемся году?

— Год 1975-й действительно особенный. Год тридцатилетия великой Победы, год тридцатилетия нашего театра — ровесника этого исторического события. Как и другие наши артисты, я готовлюсь выступить в торжественном концерте, посвященном славной дате.

Возможно, в этом году состоятся гастроли нашего театра в столице, и к ним я готовлюсь, как к еще одному серьезнейшему экзамену.

Если же немного помечтать, то очень хочу станцевать Мехмене-Бану в «Легенде о любви», а где-то впереди манит меня Одетта из «Лебединого...». И еще одна мечта, к сожалению, неосуществимая; если бы в сутках было хоть на часок побольше времени. Так, чтобы хватало его иногда и на преподавательскую работу в училище, и на занятия спортом, и на, увы, неизбежные для любой женщины домашние дела...

Я желаю ей удачи, мы прощаемся, и она уходит, легко ступая особенной, гордой «балетной» походкой. А в театре заканчивается спектакль, и из репродукторов звучат последние такты искристой музыки Минкуса. Вслушиваясь в нее, я ясно вижу Татьяну Капустину еще в одной партии. Я вижу ее главной героиней «Дон-Кихота», вижу, как стремительно, подобно сверкающему, веселому солнечному лучу, врывается она на сцену. Мгновение, и вот уже влекут ее в грациозный, полный изящества прыжок, такие тяжелые на репетициях, но все же чуточку волшебные туфельки Китри...